

Nr. 168 -169

März - Juni 2016

Март - Июнь 2016

(B-ulletin)

Бюллетень

TOLSTOI • DE

Bibliothek
Bildung
Beratung

Das Bulletin wird seit 1975 herausgegeben.

Es erscheint vierteljährlich.

Der Herausgeber ist:

Бюллетень выходит с 1975 г.

Его издает четыре раза в год:

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.

Thierschstraße 11

80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75

Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41

Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de

tolstoi@tolstoi.de

Redaktion und Verantwortung für den Inhalt:

Tatjana Erschow

Главный редактор:

Татьяна Ершова

ISSN 2197-6333

ЕВГЕНИЙ КОДИН

МЮНХЕНСКИЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР, 1950-1972 гг.: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ*

Мюнхенского института по изучению СССР существовал с 1950 по 1972 г. Восстановить детально всю историю его деятельности в настоящее время пока не представляется возможным. Основная причина – отсутствие архива института, достоверных данных о судьбе которого на сегодня нет. Имеются лишь косвенные свидетельства того, что архив, возможно, был уничтожен после или в ходе процедуры закрытия института. По этому поводу последний (третий) директор института Г.Э. Шульц в письме от 14 ноября 1985 г. первому его директору Б.А. Яковлеву (на тот момент Н.А.Троицкому), так описывает ситуацию: «согласно договору, заключенному, в свое время, между мной и Сарджентом (президент Американского комитета освобождения от большевизма, председатель Комитета «Радио Свобода» – *Е.К.*), я был обязан передать, в случае ликвидации Института, все институтское имущество, включая и архивы, Мюнхенской радиостанции «Свобода», что я и сделал. Насколько мне известно, радиостанция, все кроме изданий Института, отправила в мусоросжигалку. Если бы я передал архивы Института какому-либо постороннему учреждению, я был бы привлечен Комитетом «Радио Свобода» к уголовной ответственности»¹.

При наиболее благоприятном стечении обстоятельств архив мог быть передан непосредственно Комитету «Радио Свобода», с которым 23 марта 1969 г. институтом был подписан договор, предусматривающий в случае ликвидации последнего обязательную передачу Комитету библиотеки, каталогов, научного архива и всего имущества². Радиостанция «Свобода» находилась в то время также в Мюнхене, позже будет переведена в Прагу. В настоящее время архив радиостанции передан в Гуверовский институт войны и мира Стэнфордского университета (Калифорния) и находится в стадии обработки. Предварительное изучение описей фонда «Радио Свобода» наличие там архива Мюнхенского института как единицы хранения не подтверждает.

Вполне возможно, что по неизвестным нам пока межгосударственным или межведомственным договоренностям начала эпохи разрядки архив Мюнхенского института находится в личных фондах представителей секретных служб и ждет своего момента передачи в какой-либо из государственных архивов.

* Евгений Владимирович Кодин – доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета, Россия.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 10015, оп.1, д. 617, л. 36.

² ГА РФ ф. 10160, оп. 1, д. 17, л. 9.

В связи с этим, основным источником для воссоздания практической деятельности института за период его существования стали личные фонды бывших сотрудников Мюнхенского института, переданные на хранение в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Первой такого рода «ласточкой», по определению А.В. Попова³, стал архив Н.А. Троицкого (Б.А. Яковлева), одного из создателей института и его директора в 1950-1955 гг. В 1992 г., пишет А.В. Попов, срочной почтой архив был направлен из США, где проживал Н.А. Троицкий, в Москву в адрес историко-архивного института. Основным условием дара архива была его скорейшая научная обработка и доступность для исследователей, в первую очередь для студентов и преподавателей историко-архивного института. Однако в течение года институт не смог ни обработать архив, ни обеспечить доступ исследователей к нему⁴. Тогда Н.А. Троицкий принял решение передать архив в ГАРФ, где он в настоящее время и находится, фонд 10015.

Примеру Н.А. Троицкого последовали трое других бывших сотрудников института: Г.Э. Шульц, последний директор института, фонд 10160; К.Ф. Штеппа, один из «отцов-основателей» Мюнхенского института, фонд 10082; протоиерей Дм. Константинов, фонд 10037.

В целом указанные фонды представляют собой достаточно богатые по содержанию коллекции материалов. Тем не менее, это все же фонды личные. И проследить по ним системно работу института за весь период его существования невозможно.

В отделе эмиграции ГАРФ и в читальном зале русского зарубежья Российской государственной библиотеки (г. Москва) хранится большое количество публикаций института, а также значительная часть его периодических серийных изданий. Многие «недостающие» в Москве институтские издания имеются в Бундесархиве (г. Берлин, Лихтенфельде), с которыми можно познакомиться в библиотеке архива, находящейся в отдельном здании в помещении бывшей церкви на его территории.

Датой основания Мюнхенского института по изучению СССР считается 8 июля 1950 г. У его истоков стояла группа российских эмигрантов: Б.А. Яковлев (Н.А. Троицкий), А.А. Авторханов (Кунта), В.П. Марченко, М.А. Алдан, К.Ф. Штеппа, А.П. Филиппов, К.Г. Криптон⁵, Ю.П. Ниман.

Организационным мероприятиям по созданию института предшествовала работа «Русской библиотеки» в Мюнхене. Ее стали формировать в самом начале 1949 г. под эгидой Международного комитета спасения и оказания помощи беженцам (*International Rescue and Relief Committee – IRRIC*).

³ Попов А.В. Фонд Н.А. Троицкого в Государственном архиве Российской Федерации. Опыт архивного обзора. М.: РГГУ, 1994. С.10.

⁴ Там же.

⁵ В тексте первого протокола о создании института от 8 июля 1950 г. фамилия К.Г. Криптона отсутствует. Она впервые упоминается в протоколе от 18 июля 1950 г., который был зарегистрирован 15 декабря того же года в суде первой инстанции г. Мюнхена (см. ГАРФ), ф. 10160, оп. 1, д. 1. л. 8, 9).

Фактическим инициатором и организатором библиотеки стал Б.А. Яковлев. По прошествии многих лет (март 1975 г.) Б.А. Яковлев так вспоминает момент создания библиотеки: «Зимой 1948-49 г. у меня возникла идея создания Русской библиотеки. Но как приступить к ее организации?... Где искать книги? И как их находить? Это была первая головоломка при организации библиотеки. Но это потом – сейчас надо помещение! Так много разрушенных домов в Мюнхене – почему бы и не занять один из них?! Но зачем целый дом! И в смысле безопасности не лучше ли будет приткнуться где либо поближе к живущим эмигрантам. И была облюбована вилла на углу Рентген и Исманингерштрассе. На первом этаже кипела какая-то эмигрантская жизнь, а полуподвал не был занят. Запущенный, грязный, полный нечистот, обломков он должен быть очищен... В течение нескольких дней подвал состоящий из двух небольших комнат был от всего очищен... Начало было сделано – осталось, только, достать книги!»⁶.

И, конечно же, какая-либо финансовая поддержка.

В начале 1949 г. поиски увенчались успехом: в помощи не отказала говорившая по-русски Льюис Фишер, возглавлявшая в Мюнхене отделение Международного комитета спасения и оказания помощи беженцам. 3 февраля 1949 г. она подписала удостоверение на имя Бориса Яковлева, текст которого гласил: «Настоящим удостоверяю, что г-н Борис Яковлев является ответственным за Международную библиотеку, которую наша организация собирается открыть в Мюнхене по адресу *Ismaningerstraße 75*»⁷. Комитет взял на себя незначительные финансовые обязательства по поддержке библиотеки. Первый счет от 29 сентября 1949 г. в размере 23 немецких марок был на ремонт электро-проводки здания. Далее последовали счета на приобретение канцелярских товаров, почтовые расходы, выписку журналов, переплет книг, их перевозку, заказ вывески, на полки для книг.

В смете от 4 октября 1949 г. уже указан источник поступления денег. Б.А. Яковлев обращался непосредственно к майору Опелю из *IRRC*⁸. То есть деньги давал Международный комитет спасения для того, чтобы библиотека, так или иначе, помогала находящимся в лагерях для перемещенных лиц гражданам Советского Союза. Ближе других к пониманию психологии советских «невозвращенцев» оказался Джордж Фишер, будущий вдохновитель и непосредственный участник «Гарвардского проекта». Он в течение 12 месяцев в 1944-45 гг. служил на американской военно-воздушной базе под Полтавой, а затем после войны побывал в Мюнхене на территории американской зоны оккупации и имел возможность лично встречаться и беседовать с советскими беженцами.

Джордж Фишер вспоминает: «Я общался с невозвращенцами в Мюнхене. Помню их крайнюю неуверенность, растерянность. Неуверенность от каждодневного ожидания беды. От отсутствия пищи для ума и души. От недостатка еды и одежды. Без денег и жилья, почти все они содержались в лагерях

⁶ Цит. по: Попов А.В. Фонд Н.А. Троицкого ... С. 92-93.

⁷ ГАРФ, ф. 10015, оп. 1, д. 934, л. 22.

⁸ Там же, л. 1-9.

Объединенных Наций, в невзрачных лагерях для перемещенных лиц. Жили с поддельными бумагами. Каждый раз шли на обман, чтобы избежать насильственной выдачи.

Невозвращенцы терялись в Свободном Мире. Терялись в чуждых нравах, незнакомых языках. Терялись, не имея навыков жизни в изгнании. В раздорах взаимной нетерпимости, доносах. Жили как в столбняке, от обвинений разведчиков и чиновников. Американских, немецких, советских. Ты – коричневый преступник! Ты – красный шпион! Или явный фашист, или коммунист, а может быть, просто подонок, никчемный, никому не нужный»⁹.

Поэтому Русская библиотека в Мюнхене виделась ее создателями как своеобразная отдушина для оказавшихся вне родины советских невозвращенцев. «БИБЛИОТЕКА, – пишет в своих воспоминаниях ее создатель Н.А. Троицкий (Б.А. Яковлев), – ДОЛЖНА БЫЛА СТАТЬ ЦЕНТРОМ МОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СКРЫВАЮЩИХСЯ, ЗАГНАННЫХ, ЗАПУГАННЫХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ»¹⁰. При этом организаторы библиотеки хорошо понимали, что без поддержки самой эмиграции это образование не будет жизнеспособным. Потому сразу же последовало обращение к эмигрантской среде.

Оно начиналось так: «Десятки тысяч Ди-Пи все еще живут по разным городам Германии в ожидании выезда в другие страны. Но десятки тысяч Ди-Пи, по-видимому, принуждены будут, по ряду причин (старость, плохое здоровье ...) остаться в Европе. Положение их тяжелое. Желая как-то облегчить участь этих людей Ай-Ар-Си (Международный комитет спасения – Е.К.) не так давно организовало в Мюнхене Интернациональную библиотеку. Библиотека в настоящий момент очень небольшая: занимает три комнаты, но в будущем она должна стать одним из культурных центров для эмигрантов, оставшихся в Германии».

Далее речь шла о задачах библиотеки, которые не совсем совпадают с изначально изложенными гуманными целями ее создателей. Будущая работа трех отделов предполагала обслуживание читателей книжными фондами и читальным залом, организацию при ней докладов, изучение иностранных языков, издание литературных альманахов, журналов, сбор материалов от Ди-Пи по различным вопросам, касающимся жизни в СССР.

А сам механизм предполагаемой работы и вовсе был далек от функции гуманитарного пристанища для эмигрантов. Он виделся следующим. Кто-то, например, работает над темой «Колхозы в СССР». Он обращается с просьбой к библиотеке помочь собрать материал. Библиотека по лагерям Ди-Пи привлекает специалистов и свидетелей по данному вопросу. Те дают материалы, воспоминания в библиотеку. Библиотека оплачивает эту работу и отдает материал заказчику.

⁹ Фишер Дж. Ю.У. Две страсти //Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов.//Сост. Карпов В.С., Попов А.В., Троицкий Н.А.; Под общ. ред. А.В. Попова. М.: РГГУ, 1997. С. 200.

¹⁰ Цит. по: Попов А.В. Фонд Н.А. Троицкого ... С. 93.

А в конце обращения следовал призыв к эмигрантам помочь библиотеке жертвованием в ее фонд книг, особенно на русском языке, подписываться в библиотеке на газеты и журналы и воспользоваться ее услугами.

И в заключении вновь возвращение к нуждам беженцев: «Осуществляя нашу просьбу, ... Вы поможете нашему большому начинанию и внесете свою долю в это большое и принципиальное дело – дело помощи Ди-Пи»¹¹.

В целом, как видим, цели и задачи благородные и достойные уважения. Однако для начала надо было организовать непосредственную работу библиотеки. А для этого требовалась первостепенная ее легализация и правовая защита. Вопрос решился следующим образом. Работник американского консульства в Мюнхене Спенсер Вильямс советует Б.А. Яковлеву обратиться к вице-адмиралу Лесли Стивенсу, ведомство которого занималось беженцами из СССР и располагалось во Франкфурте-на-Майне. Поездка туда, вспоминает Б.А. Яковлев, оказалась успешной. Изложив суть дела, он получил заверения в поддержке и правовой защите библиотеки. После этого она приобрела официальный статус и стала именоваться Русской.

В книге «Ты мое столетие...» Н.А.Троицкий (он же Б.А. Яковлев – *Е.К.*) приводит воспоминания Джорджа Фишера об этом: «И СБОНР¹² стал новым ядром, ядром политической общины послевоенных власовцев. Сам Союз превратился в политическую партию под знаменем мечты Власова. Воплотился в крупнейшую партию невозвращенцев. А может быть, и всей России за рубежом... Во главу угла СБОНР ставил подпольную борьбу. Борьбу против Сталина на родине. Члены СБОНРа искали встреч с советскими гражданами за границей. Иногда проникали в СССР. Распространяли воззвания. Проводили беседы. Старались завербовать новых членов, сторонников.

Не раскрывая своих намерений, СБОНР создал в Мюнхене Русскую библиотеку...»¹³.

¹¹ ГАРФ, ф. 10015, оп. 1, д.936, л. 1-2; д. 927, л.1-1об.

¹² О «Союзе Борьбы за Освобождение Народов России» (СБОНР) Б.А. Яковлев так пишет в своей автобиографии: «Мы бывшие власовцы пришли к заключению (в 1947 г. – *Е.К.*), что американцы ... частично отрезвели от идеализации своего бывшего союзника СССР, а потому пришла пора начать анти-коммунистическую работу. Мы начали очень осторожно создавать БСМНР – Боевой Союз Молодежи Народов России. Я принимал активное участие в создании этой молодежной организации, но только как советник... Ободренные успехом организации Союза Молодежи или вернее тем, что власти «разрешают» антикоммунистическую деятельность, мы бывшие власовцы решили перереорганизовать этот Союз Молодежи в настоящую политическую антикоммунистическую организацию. Так был создан СБОНР – Союз борьбы за Освобождение Народов России, председателем которого был избран я. ... Этот год был годом надежд на то, что Запад окажет нам, эмигрантам из СССР, полную поддержку в нашей анти-коммунистической борьбе. Все силы и энергию я отдавал СБОНРУ». Но в 1950 г., когда «необычный рост СБОНРа привлек к руководству этой организации ряд людей, ставящих себе задачей, в первую очередь, личные, а не идейные цели», Б.А. Яковлев «решил отойти от организации и сам отказался от председательства» (см. ГА РФ, ф. 10015, оп. 1, д. 1, л. 9).

¹³ Троицкий Н.А. Ты мое столетие... М.: Изд-во «РУСАКИ», 2006. С. 309.

То есть библиотека создавалась СБОНРом. Это подтверждает и Троицкий: «Как бы то ни было, Библиотека сделалась тайной штаб-квартирой СБОНРа. И одновременно центром моральной поддержки бывших подсоветских. Там проводили коллективные чтения, устраивали встречи, представления, отмечали праздники»¹⁴.

При этом в своих воспоминаниях он прямо говорит о непосредственной связи СБОНРа с библиотекой. Читаем: «Это они (СБОНР – *Е.К.*) создали Русскую библиотеку в Мюнхене. Свободную, не подчиненную кому-либо, ставшую очагом русской культуры и прибежищем бывших подсоветских в оккупированной Германии начала 50-х годов...

Это они породили уникальное в своем роде образование – Институт по изучению истории и культуры СССР»¹⁵.

В архивных документах есть несколько иная оценка этого. В 1949 г., пишет Н.А. Троицкий, «с необычайными трудностями я создаю Русскую Библиотеку. Весь бюджет библиотеки, которым мы тогда обладали, исчислялся в 40 марок в месяц. Это было на содержание и помещения и самой библиотеки и «штата». Первым моим помощником был С.С. Белоусов (затем перешедший на работу на радиостанцию «Голос Америки» в Мюнхене – *Е.К.*)... Но мне нужно было активное поле деятельности и по моей инициативе, летом этого года (1950 г. – *Е.К.*), был создан Институт по изучению СССР»¹⁶.

Последний тезис Б.А. Яковлева требует некоторых комментариев. Очевидно, что одной инициативой эмигранта из Советского Союза, причем находящегося в статусе беженца, создать институт на территории другого государства вряд ли представлялось возможным хотя бы по основаниям чисто финансовым. Значит кроме одного желания, надо было иметь еще какую-либо очень заинтересованную сторону в его создании. И такая сторона нашлась. Ею стал Гарвардский университет, планировавший проведение как раз в это время масштабных социологических исследований в среде советских беженцев на территории Германии¹⁷. И потому, по сути, не Б.А. Яковлев нашел себе сторонника в лице Гарварда, а, наоборот, Гарварду нужен был какой-либо официальный опорный пункт для помощи в решении поставленных перед ним задач.

Тогда становится понятным, почему именно американцы уже в ноябре 1949 г. рассматривали Б.А. Яковлева как «своего человека в Мюнхене», когда гарвардский профессор Пауль Фридрих впервые

¹⁴ Там же. С. 312.

¹⁵ Там же. С.304.

¹⁶ ГАРФ, ф. 10015, оп. 1, л. 9. С уходом Б.А. Яковлева на пост директора Мюнхенского института по изучению СССР, созданная им Русская библиотека не перестала существовать. Вначале ее возглавил В.Ф. Залесский, затем с 1954 по 1974 гг. директором библиотеки являлась В.Н. Крылова, а после ее ухода на пенсию библиотеку возглавил представитель третьего поколения эмигрантов, родившийся уже в Германии Ю.Н. Кобро. «Русская библиотека» и библиотека будущего Мюнхенского института по изучению СССР – это разные библиотеки.

¹⁷ О «Гарвардском проекте» см.: Кодин Е.В. «Гарвардский проект». М.: «РОССПЭН», 2003.

встретился с ним для обсуждения некоторых вопросов, касающихся отношения советских перемещенных лиц к интересующим Гарвард вопросам.

В развитие этих отношений весной 1950 г. в Германию прибыли два американских эмиссара – Джордж Фишер и Фредерик Уайл. Перед ними была поставлена задача установить контакты с эмигрантами и американскими оккупационными властями, определить места для будущего интервьюирования и суммы предстоящих затрат по проекту. Но наиболее деликатной была задача легализации проекта, т.е. придания ему законной формы, как в свете германского законодательства, так и в глазах советских беженцев. Другими словами, требовалось создать структуру, в которой бы никак не просматривались интересы военных и спецслужб, а все воспринималось бы всеми сторонами только лишь как деятельность чисто академического учреждения.

Работа началась вокруг «Русской библиотеки» Б.А. Яковлева. Но уже первые попытки сформировать научный совет библиотеки натолкнулись на трудности. Частично они носили персональный характер. Так, например, в руководящий состав очень стремился попасть бывший офицер Красной армии Владимир Поздняков, желавший повысить тем самым свой социальный статус. А несколько других кандидатов в состав совета, наоборот, отказались участвовать в его работе.

Другая причина – структурная. Этот научный совет, как планировалось в Русском исследовательском центре Гарвардского университета, должен был играть лишь роль советника без каких-либо функций контроля над деятельностью самой библиотеки. Предполагалось, что это утвердит принцип объективности в работе, если убрать политические и иные личные предпочтения членов совета из сферы реализации проекта. Тем более, что сам директор «Русской библиотеки» Б.А. Яковлев был известен своими предпочтениями одной из групп советской эмиграции¹⁸.

В итоге сама идея создания как бы политически нейтрального научного совета библиотеки провалилась. И этот провал дал толчок поискам других вариантов решения проблемы легитимности проекта. Практика показала, что Русскому исследовательскому центру Гарвардского университета нужна была не просто организация, легальная в глазах немецкого закона, с одной стороны, но и надежный партнер в научном плане, с другой.

Для консультации Б.А. Яковлев обратился за советом к немецкому юристу. Последний объяснил ему, что для создания некоммерческой научной организации по немецким законам требовалось получить заявления минимум от семи человек, которые имели бы равные права в деле администрирования организации и избрали директора, его заместителя и секретаря.

¹⁸ Harvard University Archive. UAV 759.175.3. Refugee Interview Program: miscellaneous correspondence..., 1950-1951. Box 1950-1951. #1. Только в 1949 г. Б.А. Яковлев стал отходить от власовской организации СБОНР, в создании и работе которой принимал ранее самое активное участие.

Создание такой организации, в соответствии с местным законодательством и без демонстрации собственного участия в этом процессе, и было задачей Джорджа Фишера. Что оказалось наиболее трудным делом? Подбор кандидатур. Особенно из-за политической пестроты в эмигрантской среде, где царили соперничество, борьба за лидерство, недоверие, антагонизм и многое другое, характеризующее внутреннее противоборство.

В итоге людей подобрали. В первую группу, фактически положившую начало деятельности института, вошли, как пишет в своем письме в Гарвард Джордж Фишер, «самые интеллектуальные силы, которые только можно было найти в среде эмигрантов». И здесь же следом идет весьма существенное дополнение: «Сюда входят сливки из числа инструкторов армейской школы Розенберга»¹⁹.

Далее автор делает еще одно замечание. В работе с эмиграцией ему приходилось обязательно учитывать и представительство в ней интересов различных национальных групп. Поэтому в состав руководства группы был введен даже один из лидеров мусульман (имеется в виду А.А. Кунта (А.Г. Авторханов) – Е.К.). Сгладить же все политические различия на этом этапе не удалось. На предложение работать в составе института представители главных политических сил – Народно-трудового Союза (НТС) и власовцев (Союз борьбы за освобождение народов России – СБОНР) – ответили отказом, хотя «Посев» заявил о своем согласии сотрудничать с группой американских ученых.

После долгих переговоров и утрясок в состав совета будущего института вошли Алдан, Криптон, Кунта, Марченко, Ниман, Штеппа, Филиппов, Яковлев. Так с их помощью «Русская библиотека» в Мюнхене была преобразована в Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР.

Духовным отцом института стал Джордж Фишер. Американский исследователь Чарльз О'Коннелл вполне обоснованно предлагает называть его еще и «отцом-организатором»²⁰. Однако Б.А. Яковлев категорически это отвергает. В своем письме О'Коннеллу от 14 июня 1988 г. он пишет: «Джордж Фишер не принимал участия ни в первичной стадии организации Института, ни в подборе его учредителей. Но его роль была очень важной в помощи нам в усвоении методологии научных работ, принятых в США»²¹.

Сам же Джордж Фишер пишет о своей роли очень скромно: «Вот тут-то я и связался со второй эмиграцией, со спорными борцами против Сталина»²² (о периоде подготовки «Гарвардского проекта» –

¹⁹ Ibidem. О штабе Розенберга см.: Grimsted, Patricia, *The Odyssey of the Smolensk Archive. Plundered Communist Records for the Service of Anti-Communism* (University of Pittsburgh, The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies), #1201. September 1995.

²⁰ O'Connell, Charles, *Social Structure and Science: Soviet Studies at Harvard*. PhD Dissertation. University of California, Los Angeles, 1990, p.13.

²¹ ГАРФ, ф. 10015, оп. 1, д. 224, л. 2.

²² Фишер Дж. Ю.У. Две страсти ... С. 184.

Е.К.). И далее: «Я познакомился с дюжиной руководителей СБОНРа. Помог им связаться с Западом, с чиновниками, издателями, учеными. Помог в становлении Института»²³.

В действительности же роль Джорджа Фишера была гораздо весомее.

В его воспоминаниях читаем: «К делу невозвращенцев я привлек родителей. Мать много помогала им. В Мюнхене «Маркуша» – Берта Яковлевна Фишер – стала представлять IRC, Международный комитет спасения. По всему миру эта частная организация содействовала беженцам от коммунизма. Мать уговорила Комитет заняться ими»²⁴. Отсюда и те первые деньги на работу Русской библиотеки, а затем и Мюнхенского института.

8 июля 1950 г. институт был зарегистрирован как общественная организация в суде первой инстанции г. Мюнхена (*Amtsgericht*). Первым его директором стал Б.А. Яковлев, заместителем – А.А. Кунта, секретарем – В.П. Марченко.

6 декабря 1950 г. был зарегистрирован устав института. В соответствии с уставом институт ставил перед собой следующие цели:

– исследовать теорию и практику государственного и социального порядка в СССР, а также различных исторических, культурных, социальных, экономических, национальных и политических проблем народов СССР;

– наладить и поддерживать научные связи с немецкими и иностранными научными организациями и отдельными учеными;

– способствовать взаимному пониманию антикоммунистической эмиграции народов СССР и демократических стран.

Достижение этих целей предполагалось через организацию библиотеки и «богатого архива», научные публикации, проведение публичных докладов, обмен информацией с немецкими и заграничными научными организациями и учеными, обеспечение института штатными сотрудниками.

Стать членом общества могли «только эмигранты из стран, находящихся под советским владычеством, равно как члены их семей и их потомки». Не допускались в общество лица, осужденные судом и члены или приверженцы «каких-либо коммунистических или фашистских партий или подчиненных им засекреченных организаций».

В уставе подчеркивалось, что принадлежность к обществу не связывалась «с какими-либо правами экономического порядка», т.е. членство в институте не предполагало финансовых обязательств со стороны самого учреждения. С другой стороны, не взимались и членские взносы у вступивших в общество.

²³ Там же. С. 201.

²⁴ Там же. С. 201.

Руководящими органами института утверждались: общее собрание, ученый совет и дирекция. Общее собрание должно было собираться не реже одного раза в год. В его компетенцию входило утверждение годовых отчетов, пере выборы ученого совета и дирекции, изменение устава, прием новых членов. Ученому совету в количестве 11 человек, избираемых сроком на один год, вменялось в обязанности планирование научной работы общества, поддержание научных связей, принятие решений по всем научным проблемам в деятельности института. Дирекция состояла из трех человек – директора, его заместителя и ученого секретаря. Им предстояло вести все текущие административные и финансовые дела института, ежегодно отчитываться перед общим собранием о проделанной работе и отвечать за претворение в жизнь решений общего собрания и ученого совета.

Согласно уставу, институт не ставил перед собой задачу получения прибыли. И ни один из членов общества не имел права пользоваться материальными выгодами, проистекавшими из административных расходов, не соответствующих целям общества.

В связи с этим с самых первых дней своего существования перед руководством института встал вопрос финансирования его деятельности.

«Начало работы Института было весьма трудным, – пишет Дм. Константинов. – Не было средств, не хватало людей»²⁵.

Располагался он на первых порах лишь в одной подвальной комнате дома, где находилась Русская библиотека.

В значительной мере укрепить свои позиции в этот период институту удалось благодаря уже упомянутому нами «Гарвардскому проекту».

1950 и 1951 гг. были последними, когда работа с беженцами в лагерях Западной Европы могла быть в принципе проведена, поскольку именно в эти годы многие из лагерей уже находились в процессе их расформирования и закрытия. Некоторые лагеря переходили под юрисдикцию Германии или Австрии, а многие беженцы просто рассеивались среди германского и австрийского населения или эмигрировали в другие страны, включая США, Канаду, Австралию, Южную Америку. К лету 1951 г. физически организовать встречи с ними было бы уже почти невозможно. Поэтому так спешили с проектом в Государственном департаменте, в ВВС, в Русском исследовательском центре Гарвардского университета.

Но одно дело – подписание соглашения и выделенные под него американским правительством финансы, а другое – сама организация работ в далекой европейской Германии. Для этого нужна была какая-либо изначальная точка опоры, на базе которой в дальнейшем можно было бы развернуть реальные «полевые работы». Таковой и станет Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР.

²⁵ Дм. Константинов. Через туннель XX-го столетия / Под ред. А.В. Попова, В.С. Карпова// Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып.3. М.: ИАИ РГГУ, 1997. С. 538.

Переговоры по этому вопросу начались еще задолго до создания самого института. Один из содиректоров «Гарвардского проекта» Алекс Инкелес предлагал Б.А. Яковлеву, тогда еще директору Русской библиотеки, чтобы его сотрудники еще до прибытия команды из Гарварда начали обследовать лагерь беженцев с целью установления лиц, пригодных для опроса. Затем, в период проведения самого опроса с сентября 1950 г. по февраль 1951 г., им предлагалось обеспечить техническую сторону проекта (организовать проезд респондентов в Мюнхен, их размещение, проведение расчетов с ними и т.д.).

При этом здесь сразу наметилось серьезное расхождение в понимании задач, которые отводились библиотеке/институту. В июньском письме Алекса Инкелеса Б.А. Яковлеву четко прописаны условия: все планы мюнхенской организации должны были предварительно утверждаться не только ее научным советом, но и Русским исследовательским центром; будущему институту надлежало постоянно докладывать о результатах проделанной работы; а самым главным в принятии любых решений в рамках проекта будет директор экспедиции, т.е. представитель Русского исследовательского центра Гарвардского университета²⁶. На упомянутом же первом заседании самого совета (июль 1950 г.) его члены ставили вопрос о необходимости их более активного, а не просто технического участия в проекте. На что Джордж Фишер вынужден был давать туманные обещания, типа того, что обмен мнениями будет максимальным, и что их точки зрения будут обязательно рассматриваться и учитываться американской стороной²⁷.

Но как бы там ни было, в июне 1950 г. переговоры вылились в соглашение, хотя еще и не с институтом (напомним дату создания – 8 июля 1950 г.).

Вопрос – зачем это все нужно было Б.А. Яковлеву и его соратникам – хотя и правомерен, но сам по себе не вызывает особого труда в поисках ответа на него. Во-первых, американская сторона активно содействовала явному и значительному повышению статуса этого учреждения, переводя его из ранга неопределенной «Русской библиотеки» в ранг самостоятельного учреждения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во-вторых, Гарвард предлагал не только статус, но и деньги. Русский исследовательский центр брал на себя обязательства ежемесячно выплачивать будущему институту по 500 долларов за оказываемые ему услуги; оплачивать расходы по поездкам персонала института в связи с работой экспедиции; оплачивать все расходы респондентов из числа беженцев. Так июльская смета 1950 г. предполагала зарплату директора института в размере 250 немецких марок, бухгалтера-кассира – 110, секретаря института – 275, двум сотрудникам и машинистке по 200 марок, 10-ти совместителям по 45 марок, плату за аренду помещений – 50, канцелярские и другие расходы – 340 марок. Итого – 2075 немецких марок, или 500 американских долларов²⁸.

При таких обстоятельствах понятным выглядит августовское послание Б.А. Яковлева директору

²⁶ Harvard University Archive. UAV 759.175.3. Refugee Interview Program: miscellaneous correspondence ..., 1950-1951. Box 1950-1951, #1.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. UAV 759.175. Correspondence (A-Z), 1950-53. Box "P-R".

Русского исследовательского центра Гарвардского университета Клайду Клакхону, в котором он пишет, что «члены совета ... института, ученые и общественные деятели в изгнании ... очень заинтересованы в успешных результатах экспедиции, придавая ей большое научное и политическое значение»²⁹. Однако наука и политика – это одно, а финансы – это другое. И что здесь было первичным, директор института Б.А. Яковлев сам определил в письме Алексу Инкелесу от 23 июля 1950 г. Направляя последнему «Предварительный план» работы института по «Гарвардскому проекту», в прилагаемой к нему «Пояснительной записке» он больше говорит о финансовой, чем о научной стороне отношений. Сотрудники уже подобраны, сообщает Б.А. Яковлев. Они уже приступили к работе, но ведут ее лишь «в подготовительной стадии». Работу же в полном объеме «можно будет начать только при получении от Вас средств». При этом не следует дожидаться открытия счета института (ведь еще утрясаются до конца юридические формальности – Е.К.). Деньги можно просто передать наличными через господина Уайла. И тогда, заверяет Б.А. Яковлев, «мы могли бы немедленно начать нашу работу»³⁰. Что в принципе никак не противоречит и духу самого соглашения, где отмечалось, что все отношения между двумя сторонами должны строиться на доброй воле и взаимном доверии, а не на формальных действиях.

«Действительно, – будет вспоминать об этом уже гораздо позже Б.А. Яковлев, – на первом этапе реализации этого масштабного мероприятия Институт, и я в частности в качестве советника, сотрудничал с «Гарвардской экспедицией». Она «высадилась» в Западной Германии во второй половине 1950 года и, как мы понимали, ставила целью исследование психологии советского человека, его отношения к политическому и социальному устройству советского государства. Это, по крайней мере, не противоречило целям Института, а в результате должно было приоткрыть глаза западного общества на реальную картину жизни за «железным занавесом». На совместных заседаниях мы начали обсуждать методические аспекты обследования, помогать решать организационные проблемы опроса»³¹.

В Мюнхенском институте к тому времени уже имелась своего рода картотека на потенциальных респондентов. Три институтских человека обрабатывали базу данных, вели переписку с представителями на местах (в лагерях беженцев – Е.К.) и обеспечивали прибытие отобранных для анкетирования в Мюнхен. Этой работой руководили Б.А. Яковлев и Фредерик Уайл.

В итоге в ходе реализации «Гарвардского проекта» обе стороны останутся довольны друг другом. Гарвард фактически стоял у истоков создания Мюнхенского института. В тот момент он ему нужен был как легальная база для проведения опроса советских беженцев. И эту функцию институт выполнит успешно. В марте 1951 г., когда команда гарвардских ученых завершила «полевые работы», руководитель проекта Раймонд Бауэр писал директору института Б.А. Яковлеву:

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Троицкий Н.А. Ты мое столетие ... С. 338-339.

«Дорогой Борис Александрович!

Ввиду того, что я уезжаю так скоро, мне хотелось бы выразить Вам мою признательность за все, что Вы сделали для экспедиции, и сказать Вам, как приятно мне было познакомиться с Вами.

Сознание того, что среди эмиграции есть люди, подобные Вам, полностью понимающие сложность нашего положения и терпимо относящиеся к нашим недостаткам, было для меня источником моральной поддержки.

... Я высоко ценю степень, с которой Вы, прекрасно понимая наши ограниченные возможности, выполняли роль терпимого и мудрого сотрудника.

Если бы все американцы и бывшие советские граждане обладали Вашей дальновидностью и способностью разбираться в политических вопросах, мы могли бы надеяться на установление счастливых и плодотворных отношений между эмиграцией и американскими гражданами.

Что касается меня, то я буду пытаться руководствоваться Вашим примером и делать все, что от меня зависит для укрепления в будущем добрых отношений между американскими и эмигрантскими учеными.

Я надеюсь, что мы снова встретимся и будем иметь возможность работать вместе в Америке, в Европе, и еще лучше, в освобожденной России.

Искренне Ваш Раймонд А. Бауэр,
Директор экспедиции».

В ответ в апреле 1951 г. в своем «прощальном» письме Раймонду Бауэру Б.А. Яковлев пишет, что совет института на своем заседании 31 марта поручил ему передать лично Бауэру и всем сотрудникам экспедиции, покинувшим Германию, их «чувства глубокого удовлетворения и благодарности по поводу совместной с Вами 7-месячной работы».

«Без помощи Русского научно-исследовательского центра и Гарвардского университета, – пишет Б.А. Яковлев, – наш институт не смог бы столь успешно провести организационную деятельность по собиранию научных сил среди эмигрантов и подготовиться к выполнению важных задач, стоящих теперь перед институтом.

Ваше личное внимательное и заботливое отношение к нуждам института и отдельных его сотрудников, связанное с ясным пониманием обстановки в эмигрантской среде и одушевляющих ее идеалов освобождения Родины от ига коммунизма, останутся навсегда в нашей памяти о Вас»³².

Комментарии здесь излишни.

³² Harvard University Archive. UAV 759.175. Correspondence (A-Z), 1950-1953. Box «Pr-R».

С завершением «Гарвардского проекта» прекратилось и финансирование института. И потому предложение о сотрудничестве со стороны только что созданного в январе 1951 г. Американского комитета за свободу народов СССР³³ было принято без каких-либо серьезных разногласий. В апреле 1951 г. Комитет принял на себя финансирование Мюнхенского института по изучению СССР.

Это позволило институту перейти в арендованный и отремонтированный для него отдельный дом на Аугустенштрассе, увеличив число сотрудников до 15 человек³⁴. «Таким образом, – пишет Н.А. Троицкий, – Мюнхенский институт принял вид постоянно действующего научного учреждения»³⁵.

Американцы оказывали в это время помощь институту, не вмешиваясь в его внутренние дела. «Это вполне устраивало Институт, – читаем у Дм. Константинова, – который с благодарностью принимал субсидии от Американского комитета, но при условии своей полной независимости, как в административной, так и в академической деятельности»³⁶.

В 1954 г. по инициативе представителей Американского комитета профессора В.В. Баллиса и доктора Я.Ю. Пеннара была осуществлена реорганизация института, ставившая своей официальной целью привлечение к его работе научных работников разных национальностей СССР.

После реорганизации штат сотрудников института вырос до 74 человек (на 1 января 1953 г. постоянных сотрудников института было 12 – Е.К.). По национальному признаку они делились так: русских – 29 (39%), украинцев – 26 (35%), других национальностей – 19 (26%). Главный руководящий орган института состоял из 42 человек: русских 12 чел. (28,6%), украинцев 16 чел. (38%), белорусов 2 чел. (4,8%), поляков 1 чел. (2,4%), другие национальности 8 чел. (19%), немцев из России 3 чел. (7,2%)³⁷.

13 июля 1954 г. были проведены выборы научного совета института в количестве 7 человек.

В него вошли: Б.Н. Мартос - председатель, В.С. Мерцалов – заместитель председателя, А.А. Вакуленко, П.Л. Кованьковский, Э. Кырымал, С. Торосян, С.И. Станкевич - секретарь. По национальному признаку он состоял из трех украинцев, по одному русскому, белорусу, татарину и армянину³⁸.

Результатом проведенных преобразований явилось еще одно существенное структурное новшество: в Мюнхенском институте стало работать постоянное представительство Американского комитета освобождения от большевизма, возглавляемое профессором Оливером Фридериксеном. Его

³³ В 1951 г. в США был создан «Американский комитет освобождения народов России» (штаб-квартира находилась в Нью-Йорке). Под его эгидой в 1952 г. будет основана радиостанция «Освобождение». Вскоре Комитет будет переименован в «Американский комитет освобождения от большевизма» (1953 г.). В 1962 г. радиостанция «Освобождение» будет переименована в «Радио Свобода». И Американский комитет станет называться «Комитетом Радио Свобода».

³⁴ ГА РФ, ф.10160, оп.1, д.331, л.3.

³⁵ Троицкий Н.А. Ты мое столетие ... С. 341.

³⁶ Дм. Константинов. Через туннель XX-го столетия. С. 540.

³⁷ ГА РФ, ф. 10015, оп.1, д. 963, л. 1.

³⁸ ГА РФ, ф.10015, оп.1, д.963, л.1.

заместителем был Л.И. Барат, «фактически постепенно взявший руководство им (институтом – Е.К.) в свои руки»³⁹.

Наиболее же полная оценка произошедшего с институтом дана Б.А. Яковлевым в его аналитической записке от 25 января 1955 г. Реорганизация института, считает директор, проведена не по существу, т.е. предусматривала не улучшение научно-исследовательской работы института, а его «формальное переустройство путем введения в него ученых – представителей различных национальностей». Эта реорганизация была проведена по линии наименьшего сопротивления, т.е. «повели не индивидуальные разговоры с научными работниками других национальностей, а с политическими организациями, которые и выделили своих представителей». И после этого институт стал не корпорацией научно-исследовательских работников, а органом политического представительства всех национальных организации. Все вновь пришедшие считали себя в первую очередь представителями своих политических организаций и потому каждое свое решение должны были согласовывать со своими организациями. А научный Совет смотрит на Американский Комитет не как на партнера по борьбе с большевизмом, а только как на деньгодателя»⁴⁰.

И далее продолжает: «В итоге можно сказать, что Институт, над которым произведен эксперимент, находится сейчас как бы в положении организма, получившего большую дозу лекарства, и его в работе лихорадит. Дальнейшее зависит от разрешения: удастся ли все эти недочеты выправить или нет, т.е. удастся ли введенные при реорганизации элементы заставить отказаться от политики и работать в научно-исследовательском направлении? Шансов положительных за разрешение этого вопроса меньше, чем отрицательных»⁴¹.

Довольно жесткая и при этом вовсе нелицеприятная оценка со стороны директора института! Она может проистекать или от полного отчаяния и разочарования в происходящем, или от какой-то уверенности в своих жизненных позициях.

Некое объяснение можно заметить в письме проживавшему в США М.А. Алдану от 1 февраля 1955 г., в котором Б.А. Яковлев с грустью и очевидным сожалением констатирует: «Постепенно я тоже начинаю терять веру в правильный исход работы иностранцев с эмигрантами. Институт испортили и сейчас это не научное учреждение, а политическое. Сумеют ли они его выправить я не знаю. Я лично намечаю *медленный отход* (выделено нами – Е.К.)»⁴².

А уже почти через месяц (25 февраля 1955 г.) в письме К.Ф. Штеппе директор института и вовсе без всякой дипломатии пишет: «Мое личное мнение об Институте: происходит медленное вырождение и

³⁹ Дм. Константинов. Через туннель XX столетия... С. 546.

⁴⁰ ГА РФ, ф.10015, оп.1, д.87, лл.1-2.

⁴¹ Там же, л.6.

⁴² ГА РФ, ф.10015, оп.1, д.172, л.2.

академическая деградация. Заменяют все политиканством, партийностью и всем остальным, присущим базарной эмиграции»⁴³.

К этому времени вопрос об эмиграции Б.А. Яковлева в США в принципе уже был решен, хотя все держалось в абсолютной тайне. Тем не менее, можно было позволять себе и такого рода оценки деятельности не только института, но и американских советников.

Реальные плюсы от реорганизации института, вне всякого сомнения, получила институтская библиотека (не следует путать с Русской библиотекой, которая продолжала существовать самостоятельно – Е.К.). В связи со значительным увеличением фонда книг и периодических изданий библиотека была переведена в новое, отдельное, более удобное и просторное помещение площадью в 550 погонных метров. Общее количество книг в библиотеке составляло на 1 ноября 1954 г. 17 480 томов, а количество переплетенных комплектов периодических изданий – 3125 томов. Количество регулярно поступавших подписных периодических изданий выросло до 513. Штат библиотеки увеличился до 14 человек.

Значительно выросло и финансирование преобразованного института – со 121 тысячи в 1951 г. до 720 тысяч немецких марок по итогам 1954 г., то есть увеличение в шесть раз!

Табл. 2
Бюджет Мюнхенского института, 1951-1954 гг.
(в немецких марках)⁴⁴

Год	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль
1951	-	-	1 758	5 507	10 165	7 984	14 642
1952	13 792	7 968	4 496	6 793	7 178	6 958	9 796
1953	13 502	15 574	20 074	12 638	16 094	22 015	23 140
1954	37 356	33 342	50 956	61 412	55 712	71 862	78 800

Год	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
1951	15 681	16 414	17 803	15 428	15 338	120 750
1952	10 843	11 426	15 791	13 331	19 710	128 082
1953	39 994	19 043	22 204	33 539	44 655	283 272
1954	71 885	62 980	63 380	63 899	68 480	720 064

⁴³ ГА РФ, ф.10015, оп.1, д.299, л.9.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 10015, оп. 1, д. 970, л. 1.

В части же общей численности работников института динамика цифр была впечатляющей. Так, если в мае 1952 г. институт имел всего пять штатных работников, в ноябре 1954 г. (после реорганизации) – 74, то в декабре 1955 г. планировалось увеличение числа служащих до 110 с одновременным расширением помещений с 785 до 1350 кв. метров. Имевшиеся в 1955 г. площади состояли «из 36 тесных комнат», включая библиотеку и книгохранилище (на одного человека приходилось 4 кв. метра)⁴⁵. Существенное увеличение финансирования позволяло расширять и укреплять материально-техническую базу института.

Незаметно, но летом 1955 г. институт уже пришел к своему 5-летию. По этому поводу 26 июля в помещении Немецкого музея в Мюнхене состоялось торжественное заседание с участием большого числа приглашенных лиц. Присутствовало более 250 человек. Заседание открывал один из создателей института М.А. Алдан. После официальных приветствий с докладом выступил директор института Б.А. Яковлев. Подводились основные итоги работы за пятилетний период. Но при этом идеологические и политические акценты все равно выступали на первое место.

В подготовленной по случаю юбилея справке по истории института констатировалось несколько основных позиций: «Институт сформировался как свободная корпорация научных работников и специалистов, эмигрантов из СССР, ставящая своей целью всестороннее изучение СССР и его истории для передачи результатов изучения общественности стран свободного демократического мира. Институт – организация внепартийная и вненациональная»⁴⁶. Претензия на независимость от дававших деньги американцев и на неприятие происходивших изменений очевидна. Далее это развивается в докладе директора института.

«Помимо чисто научного эффекта, – говорил в своем выступлении Б.А. Яковлев, – Институт имеет большое политическое значение. Он объединяет активно выступающих против системы насилия, борющихся за свободу своего народа, свободу своей страны. К положительным сторонам Института можно отнести также и то, что он не имеет узко-партийного профиля, занимает внепартийную позицию, объединяя представителей различных мировоззрений и взглядов, отвечающих духу демократии и непримиримых по отношению к тоталитарным системам, независимо от их характера»⁴⁷.

Одновременно же Б.А. Яковлев и заигрывает с американцами. Мир расколот на две части, говорит он, тоталитарную и демократическую. «В первой группе, группе тоталитарных государств, государств, объявивших поход за власть над миром – водителем, как идейным, так и организационным – объявил себя СССР.

Во второй группе, группе свободных стран, в силу демократизма, «вождизма» нет, но большая доля тяжести защиты свободного мира от возможности коммунистического порабощения легла на

⁴⁵ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д.33, л.1-2, 10.

⁴⁶ ГА РФ, ф. 10015, оп. 1, д. 982, л. 1.

⁴⁷ ГА РФ, ф.10015, оп. 1, д. 90, л. 14.

Соединенные Штаты Северной Америки – страны, которая (волею судеб истории) сохранила исконные заветы демократического государственного устройства и которая одновременно достигла высот еще никем непревзойденного экономического развития»⁴⁸. То есть, с одной стороны, он против американского давления на институт, а, с другой, восхищается американской цивилизацией как таковой.

Протоиерей Дм. Константинов дает свою оценку имевшим место изменениям. «Если оценивать все происходившее тогда с позиций сегодняшнего дня, – пишет он в своих воспоминаниях, – и почти сороколетнего пребывания на Западе второй российской эмиграции, то руководители Института должны были отказаться и от реорганизации, и от помощи КОНР, оставшись нищими, но свободными, отыскивая другие пути для работы Института... В условиях работы Института можно было охотно пойти на привлечение ученых из различных национальностей СССР. Это можно было только приветствовать. Но все, что происходило дальше, едва ли можно расценивать положительно»⁴⁹. Американская администрация негласно фактически возглавила институт, «превратив его в инструмент собственной политики»⁵⁰.

В это время Б.А. Яковлев отказывается и от руководства институтом, и от членства в общем собрании. В письме, написанном сотрудникам института постфактум в 1956 г., Б.А. Яковлев так объяснит свое решение:

«Многоуважаемые коллеги.

Несмотря на то, что идея создания института, возникшая у меня еще во время войны, потребовала от меня несчетного количества терпения и энергии для претворения ее в действительность в 1950 году, несмотря на то, что я был бессменным директором Института в течение его первых пяти лет – я все же пришел к убеждению, что мое сотрудничество с Институтом, той направленности работы и формы его организации, в которых он сейчас находится, невозможно, поэтому я прошу не считать меня более членом Общего Собрания.

Идея организации Института у нас, его основателей, была очень простая: мы хотели создать внепартийную, научную, эмигрантскую институцию, которая бы, проводя на чисто академических принципах, силами научных работников, вышедших из-за железного занавеса, свои исследования СССР, оказали бы, тем самым, помощь свободному миру в познании теории и практики коммунизма. Возращение такой институции, в условиях эмиграции, является делом чрезвычайной трудности, терпения и корректности.

⁴⁸ Там же, л. 2.

⁴⁹ Дм. Константинов. Через туннель ... С.544.

⁵⁰ Там же. С.543.

Вмешательство спонсора – Американского Комитета, проведшего реорганизацию Института в 1954 году, перевело его работу на основы партийных и национальных начал и, следовательно, привело к нарушению принципов, как в исследовательской, так и во внутренней организации этого, чисто академического, учреждения.

Мое дальнейшее сотрудничество с Институтом будет возможно тогда, когда Институт будет, действительно, отвечать тем основным академическим принципам, которые сопутствуют научно-исследовательской институции.

С уважением.

Нью-Йорк, Б. Яковлев»⁵¹.

В воспоминаниях Н.А. Троицкий так пишет о своем отъезде в США: «Уезжал я тайно, чтобы не привлечь внимание советских спецслужб. Только через пару месяцев мое увольнение было оформлено как «отъезд из Европы директора Института Б. Яковлева в оплачиваемый ежемесячно годичный отпуск. И лишь по прошествии года послал Авторханову письмо с просьбой зачитать мое обращение к Общему собранию Института»⁵².

Джордж Фишер, давая характеристику Б.А. Яковлеву мюнхенского периода их знакомства, одновременно отмечает и несколько иной аспект «ухода» директора, указывая на инициативу этого с американской стороны: «В Мюнхене он произвел на меня впечатление прирожденного руководителя. Огромная работоспособность. Сосредоточенность. Решительность. Ловкость. Боец от природы. Воин с затаенным святым гневом. ... Часто настойчив и требователен»⁵³. И далее: «Троицкий не пошел на безоговорочное сотрудничество. Пошел только на полусотрудничество. Отстаивал свободу и независимость сотрудников от представителей ЦРУ. Человек волевой и властный, он часто вступал в столкновения с американскими чиновниками.

Представители ЦРУ в Институте ценили его как руководителя. Но сам он казался им резким, напористым, неуступчивым. Терпели его по необходимости. В конце концов их терпение лопнуло. Через пять лет ему предложили оставить должность директора ... Конец руководителя совпал в Институте и СБОНРе. В обоих учреждениях роковым стал вопрос независимости. Большинство ядра невозвращенцев пошло в наем, подчинилось белому фараону. Руководитель не согласился. Он вышел из СБОНРа, покинул Институт»⁵⁴.

⁵¹ ГА РФ, ф.10015, оп.1, д.171, л.3.

⁵² Троицкий Н.А. Ты мое столетие ... С. 362.

⁵³ Фишер Дж. Две страсти... С. 202.

⁵⁴ Там же. С.202-203.

Судя по имеющимся документам, здесь речь можно вести, скорее всего, о совпадении интересов и желаний двух сторон: и директора в части эмиграции взамен института, и Американского комитета для беспрепятственного продолжения руководства институтом уже без строптивного директора.

К этому времени международные контакты института были впечатляющими. Об этом свидетельствует список рассылки изданий института этого периода – только отдельным научным работникам в 50 стран: Германия, Австрия, Англия, Бельгия, Голландия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Египет, Италия, Люксембург, Норвегия, Португалия, Турция, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Марокко, Югославия, США, Канада, Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Мексика, Никарагуа, Южная Африка, Панама, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Израиль, Индия, Новая Зеландия, Иран, Пакистан, Сирия, Австралия, Япония, Китай и др. В этих странах институт имел около 1700 корреспондентов, которым высылал свои издания⁵⁵.

В мае 1956 г. был принят «ориентировочный план дальнейшего развития института» на три года (1956-1959 гг.). В нем отмечалось, что «идет мирное наступление коммунизма на демократический мир» (после XX съезда КПСС – *Е.К.*); институт в этой ситуации должен давать «квалифицированную оценку внешней и внутренней политики», «вскрывая имеющиеся в нем элементы противоречий и обмана» (в СССР – *Е.К.*). Институт планировал увеличить до 12 число исследователей и библиографов, разделив их на сектора во главе с заведующими; увеличить до 15 человек издательский отдел, перевести ротаторную печать на фотопечать, организовать при институте одногодичные курсы для подготовки молодых исследовательских кадров, расширить помещения для 1500 кв. метров, создав зал при библиотеке площадью до 80-90 кв. метров. Бюджет в течение трех лет должен был возрасти: в первый год на 50%, во второй еще на 30% (к первому), в третий – еще на 20% (ко второму)⁵⁶. Многие из этого реально воплотилось в жизнь. Особенно после переезда в 1957 г. в новое здание по адресу: улица Манхардштрассе, дом 6.

1959 год дал институту обновленный Устав.

Более коротким и емким стало название – «Институт по изучению СССР». Расширились и «осовременились» стоявшие перед институтом цели и задачи: 1) «Исследование теории и практики государственного и социального порядка СССР, а также всевозможных исторических, культурных, экономических, социальных, национальных и политических проблем народов СССР. 2) Установление и поддержание научных связей с немецкими и иностранными научными организациями и отдельными учеными. 3) Создание взаимного понимания между антикоммунистической эмиграцией из СССР и демократическими странами»⁵⁷.

⁵⁵ ГА РФ, ф. 10015, оп. 1, д. 982, л. 2-3.

⁵⁶ ГА РФ, ф. 10015, оп. 1, д. 997, л. 1-2.

⁵⁷ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 7, л. 65.

Структура и функционал органов управления по сути не изменились.

Впервые в уставе были прописаны условия ликвидации института. Параграф 11 гласил: «Если же по ликвидации остается избыток денег или имущества, в особенности по библиотеке и архиву, то этот избыток передается с согласия Финансового управления г. Мюнхена Американскому Комитету Освобождения от большевизма без какой-либо оплаты»⁵⁸. Кто может принимать решение о роспуске общества и его ликвидации в Уставе не прописывалось.

27-28 июля 1959 г. состоялось общее собрание членов института. Вместо ушедшего по болезни В.С. Мерцалова директором был избран Г.Э. Шульц, его заместителем – И.И. Бакало, научным секретарем – М.А.Миллер.

В конце октября 1960 г. в зале Немецкого музея в Мюнхене институт отметил свое 10-летие. С приветствием выступил советник Американского комитета при институте профессор О.И. Фредериксен. Были получены поздравления от заместителя председателя Американского комитета в Европе Роберта Келли и президента Американского комитета Хоулента Сарджента.

Внешне ситуация в институте, включая и финансовую, представлялась в это время как вполне благополучная. Финансирование с американской стороны не снижалось. Не давало оснований к унынию и новогоднее приветствие институту главного американского патрона Хоулента Сарджента в канун 1963 г. «Радио «Свобода», – читаем в послании, – увеличило не только свою мощность, но и возможность снабдить все возрастающее число советских слушателей информацией, рассчитанной на то, чтобы помочь им выработать независимое суждение по вопросам, как общественной, так и личной жизни... Институт исследования СССР завоевал еще большее признание его роли, как единственного международного центра по советской проблематике. Я уверен, что наши усилия в 1964 году окажутся еще более плодотворными ...»⁵⁹. Такая уверенность сопровождалась и существенной финансовой поддержкой института.

Самой большой статьей расходов института будет оставаться заработная плата сотрудников (55% бюджета), на втором месте – административные и типографские расходы. А общая цифра бюджета в полтора миллиона немецких марок в год была, конечно, совсем не маленькой, особенно, если ее сравнивать с бюджетом первого года существования института. Разница в десятки раз!

⁵⁸ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 7, л. 67 об.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 95, л. 80 об.

Таблица 2.

Бюджет Мюнхенского института в 1963-1965 гг.⁶⁰
(немецких марок)

	1963/64		1964/65	
Администрат. расходы	180 305	12%	192 685	12,8%
Библиотека	35 484	2,5%	36 088	2%
Командировки	7 359	0,5%	2 481	0,2%
Конференции	52 868	3,7%	37 470	
Гонорары	96 478	6%	106 048	
Типограф. расходы	176 558	12,3%	196 745	
Специальные проекты	40 253	2,8%	12 159	
Распростр. изданий	54 472	3,8%	55 045	
Зарплата с начислен.	793 270	55%	869 073	
Всего	1 437 051	100%	1 506 797	100%

Эти значительные суммы расходов на институт со всей очевидностью окупались его работой. Институт «производил» для своего спонсора значительный объем справочно-информационной продукции. Так на май 1963 г. институт уже заполнил 166 757 персональных карточек о лицах, занимавших ответственные посты в СССР. В отчете дирекции за период с 1 июля 1963 г. по 30 июня 1965 г. говорится, что была осуществлена «подготовка 7 910 кратких биографий и 4 348 адресных карточек для комитета радио «Свобода». По заданию того же комитета за 9 месяцев 1965 г. сотрудниками института было просмотрено 19 наименований основных советских газет и 6 журналов, сделаны выборки из статей и заметок, содержащих антизападную пропаганду и «холодную войну» на 1500 страницах машинописного текста. На этой основе было сделано специальное резюме для Американского комитета в Нью-Йорке⁶¹. Всего в библиографической картотеке института было уже к тому времени более 62 тысяч карточек⁶².

⁶⁰ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 16 ???, л. 3.

⁶¹ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 14, л. 88.

⁶² ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 331, л. 17.

Многие сведения можно было найти в фондах библиотеки, которая на 1 июля 1965 г. имела 47 240 книг и 12 720 томов укомплектованной периодики⁶³.

Однако довольно щедрое финансирование института все в большей степени выливалось не просто в контроль, а в руководство деятельностью института. К концу 1960-х годов, пишет протоиерей Дм. Константинов, «американские советники уже участвовали с решающим голосом в утверждении плана работ ... Практически в это время все дела решались предварительно в кабинетах представителей Американского комитета освобождения ... Неизвестно, освободил ли кого-нибудь американский комитет, но Институт он крепко скрутил, получив в нем фактическую власть и связав по рукам и по ногам научных сотрудников, которые были обязаны работать в рамках вашингтонских установок»⁶⁴.

В это же время уже начинался обсуждаться вопрос и о возможном закрытии института. Потому явно не случайно, что между институтом и Комитетом «Радио Свобода» появился договор от 23 марта 1969 г., по которому институт в случае своей ликвидации должен был передать Комитету библиотеку, каталоги, научный архив и все имущество⁶⁵.

На заседании президиума ученого совета института 19 февраля 1970 г. о предстоящем закрытии института прямо говорил заместитель директора Эдвард Краули: «в связи с финансовыми затруднениями Комитет не может поддержать работу Института после 30 июня т. г.»⁶⁶. В конце июня того же года были подготовлены списки сотрудников, увольняемых на пенсию. Некоторые переходили на работу на радиостанцию «Свобода».

В июне 1970 г. директор института Г.Э. Шульц активно искал способы «упрочить положение института». Он предлагал изменить название института «на более нейтральное», увеличить нагрузку на сотрудников, получать «как можно больше заказов для того, чтобы перевести институт на самоокупаемость»⁶⁷. Но ситуация стремительно ухудшалась. На пленарном заседании ученого совета 17 августа того же года звучало: «финансовые проблемы все острее, денег от фондов нет. В связи с этим «план научной деятельности института становится совершенно нереальным и ненужным, также как и выделение одного дня в неделю для занятий научными исследованиями сотрудников перестает быть актуальным»⁶⁸.

С нескрываемым удовольствием тему закрытия института подхватила советская центральная газета «Неделя». Читаем в статье июльского номера 1970 г. Мюнхен, тихая из 10 домов улочка Маннхардштрассе, дом №6, в центре города, недалеко от реки Изар. Здесь «укрылся один из органов Центрального

⁶³ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 13, л. 13 об., 14, 17 об.

⁶⁴ Дм. Константинов. Через туннель XX столетия... С.547.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 17, л. 9.

⁶⁶ ГАРФ, ф. 10160, оп. 1, д. 16, л. 10.

⁶⁷ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 16, л. 13.

⁶⁸ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 16, л. 17.

разведывательного управления США, носящий претенциозное название «Институт по изучению СССР»⁶⁹. ЦРУ было «повивальной бабкой» института, а «в роли «отцов» выступали изменники Советской Родины». Институт стал «одним из органов «Комитета Радио «Свобода», действующего по указке ЦРУ и госдепартамента США». Это «шпионско-пропагандистское гнездо» со «специально подобранным персоналом сотрудников из числа эмигрантов».

И далее обозреватель «рассуждает» над вопросом, почему закрывают институт, и дает такой ответ: «Американцы широко разрекламировали «Институт по изучению СССР» как «научную Мекку». Всячески афишировали участие в его «научных» сессиях профессоров известных университетов и колледжей США, Англии и других стран... И все же «институт» закрывается. Закрывается потому, что «институт-шпион» не сумел сохранить в тайне свою связь с ЦРУ и вывеска «исследовательского учреждения» перестала быть приманкой даже для наивных людей, а заказчиков его «исследований» она стала просто компрометировать»⁷⁰.

Финансирование действительно быстро и резко урезалось.

В мае 1971 г. директор института Г.Э. Шульц с грустью констатировал, что на счет института поступили только 10 тысяч немецких марок от Баварского правительства, а все другие «попытки Дирекции получить финансовую помощь от немецких учреждений и фирм не увенчались успехами»⁷¹.

На пленарном заседании ученого совета 22 декабря 1971 г. Г.Э. Шульц констатировал: «Исходя из письма президента Комитета «Радио Свобода» Х. Сарджента ... деятельность Института прекращается с 31 декабря 1971 г. Сотрудники предупреждаются об увольнении...»⁷².

Как директор института Г.Э. Шульц выполнил все, что от него требовалось по процедуре закрытия. Об этом уже по истечении более 10 лет после ликвидации института он так опишет это в письме Н.А. Троицкому от 14 ноября 1985 г.: «согласно договору, заключенному, в свое время, между мной и Сарджентом, я был обязан передать, в случае ликвидации Института, все институтское имущество, включая и архивы, Мюнхенской радиостанции «Свобода», что я и сделал. Насколько мне известно, радиостанция, все кроме изданий Института, отправила в мусоросжигалку. Если бы я передал архивы Института какому-либо постороннему учреждению, я был бы привлечен Комитетом «Радио Свобода» к уголовной ответственности»⁷³. На сколько факт уничтожения архива института действительно имел место – на сегодня никаких свидетельств не обнаружено. Как, впрочем, и самого архива, о чем уже говорилось в начале публикации.

⁶⁹ Фабанов А. «Институт» меняет вывеску // Неделя, 1970, 13-19 июля.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 16, л. 25.

⁷² ГА РФ, ф. 10160, оп. 1, д. 17, л. 6.

⁷³ ГА РФ, ф. 10015, оп.1, д. 617, л. 36.

Вскоре о закрытии института будет официально уведомлен и его первый директор Н.А. Троицкий. Письмо об этом на бланке института от 15 июля 1972 г. на английском языке гласило:

«Институт с сожалением объявляет, что Общее Собрание приняло решение 12 июня 1972 г. ликвидировать учреждение и назначило ликвидационную комиссию в составе – Ричард Кондон, д-р Генрих Шульц, д-р Пол Миллер, адвокат.

Постановление передали в суд для регистрации 13 июня 1972 г. и опубликовали в *Süddeutsche Zeitung*, Мюнхен 19 июня 1972 г.

По причине болезни Шульц снял с себя обязанности по ликвидации 10 июля 1972 г.

Институт прекратил свою исследовательскую деятельность с 30 июня 1972 г.

Институт благодарит Вас за многолетнее и плодотворное сотрудничество.

С наилучшими пожеланиями, Ваши (далее подписи).

Richard J. Condon Dr. Paul E. Moeller⁷⁴.

Н.А. Троицкий будет оценивать факт закрытия института с горечью и большой обидой на Запад. «Впрочем, – пишет он, – наивно было бы предполагать, что «свободное царство» интеллектуалов второй эмиграции могло достаточно долго существовать в «свободном мире». Цели запада расходились с их целями. Начиная с середины 50-х годов, власть имущие стали все более бесцеремонно вмешиваться в дела Института, постепенно подчинили себе и Институт, и руководство СБОНРа, а в 1972 году Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР был закрыт»⁷⁵.

А в своей переписке с американским исследователем Чарльзом О’Коннеллом от 9 апреля 1985 г. Н.А. Троицкий был еще более категоричен в оценках: «Откровенно говоря, мы и в момент организации Института и в первые годы его работы мало интересовались «кухней» изготовления блюд за стенами Института. У нас был более грозный враг – Советский Союз. Но затем нам стало ясно, что эта работа извне разрушает Институт, а в конечном итоге привела его к гибели в 1972 году»⁷⁶.

На вопрос, почему закрыли Мюнхенский институт ответ давали и другие, так или иначе имевшие к нему непосредственное отношение люди.

Свою версию произошедшего дает сын последнего директора института Ростислав Шульц. «На мой взгляд, – пишет он, – Институт стал жертвой американской гласности! В начале 70-х гг. в Конгрессе

⁷⁴ ГА РФ, ф. 10015, оп.1, д. 50, л. 1.

⁷⁵ Троицкий Н.А. Путь «второй волны» и будущее России //В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов.//Сост. Карпов В.С., Попов А.В., Троицкий Н.А.; Под общ.ред. А.В. Попова. – М.: РГУ., 1997. С. 39.

⁷⁶ ГА РФ, ф. 10015, оп.1, д. 224, л. 1.

Соединенных Штатов стало известно, что Комитет Радио «Свобода» частично финансируется ЦРУ. Это также совпало с началом политики разрядки напряженности. В конце концов было решено, что впредь Комитет Радио «Свобода» будет финансироваться Конгрессом Соединенных Штатов... А западногерманскому Канцлеру Вилли Брандту, проводившему отпуск на даче Брежнева в Крыму, перестало нравиться, что Федеративная Республика Германия допускает на своей территории деятельность таких учреждений, как Радио «Свобода» и Институт по изучению СССР. Чтобы угодить своим критиков и спасти Радио «Свобода», Комитет решил пожертвовать Институтом, и в 1972 г. закрыли Институт»⁷⁷.

С ним в значительной мере солидарен протоиерей Дм. Константинов. Он так оценивает закрытие института: «Москва мрачно следила за деятельностью Мюнхенского института и даже выписывала его издания. Советская печать по достоинству оценила его работу, назвав его наиболее ярким представителем антисоветизма и антикоммунизма. Институт был ей достаточно неприятен. Притаившись и следя за работой Института, в Кремле выжидали момента, чтобы наложить на него руку. И этот момент наступил. Задача Москвы состояла в том, чтобы уничтожить Институт западными, а не восточными руками ... Институт был уничтожен политикой разрядки в ее «восточном понимании», руками незадачливых ее творцов... Мюнхенский Институт в расцвете своего существования был любезно подарен «товарищу Брежневу» Никсоном и Киссинджером во имя их фантастической «глобальной политики»⁷⁸. Институт «был продан во имя разрядки». Роковой удар был нанесен политикой так называемой разрядки в ее «восточном» понимании, однако руками ее творцов, пытающихся теперь оправдаться тем, что они проводили ее в «западном» варианте, а Москва переделала ее на «восточный». Одним из «разрядительных» пожеланий московских компаньонов было немедленное закрытие Мюнхенского института. И он был закрыт в самом расцвете своего существования 12 июня 1972 года. Так торопились сделать подарок *товарищу Брежневу*, что не успели даже как следует провести ликвидацию имущества Института»⁷⁹.

И далее протоиерей Дм. Константинов делает глубокое по своему жизненному смыслу замечание, которое можно отнести к любой «волне» российской эмиграции: «... лучше иметь свое скромное, даже малое, но независимое и свободное, чем гоняться за дотациями, «грантами», пособиями и т.п., зависеть от них и постепенно терять, в сущности то, ради чего люди эмигрируют из СССР. Я имею в виду идейные мотивы эмиграции, а не просто желание переменить образ и уровень жизни. Путь этот тяжел и труден, но, как мне кажется, иного пути у нас нет»⁸⁰.

⁷⁷ ГА РФ, ф. 10160, оп.1, д. 339, л. 8.

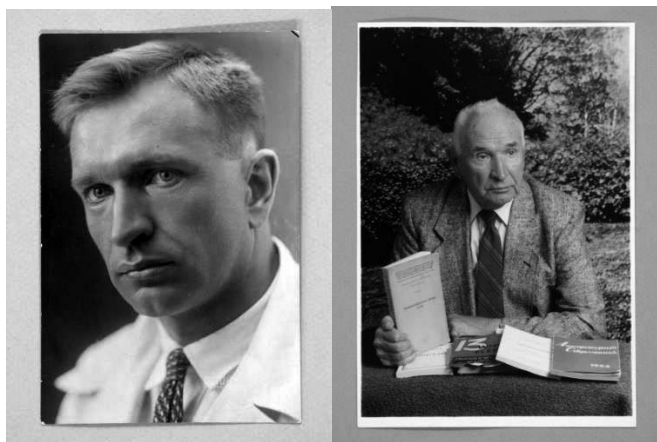
⁷⁸ Дм. Константинов. Через туннель XX столетия... С.556.

⁷⁹ Протоиерей Д. Константинов. «Вторая волна» – воспоминания и раздумья о российской эмиграции //В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов.//Сост. Карпов В.С., Попов А.В., Троицкий Н.А.; Под общ.ред. А.В. Попова. – М.: РГГУ., 1997. С. 84.

⁸⁰ Дм. Константинов. Через туннель XX столетия... С.559.

После закрытия института в Мюнхене делались попытки возродить учреждение, но безуспешно. Безрезультатными оказались усилия Г.Э. Шульца. Несколько по другому подошел к этому вопросу заведующий Русской библиотекой в Мюнхене 27-летний Юрий Кобро. Он попытался как бы вернуться в далекий 1949 г. и возродить дух той Русской библиотеки, на базе которой и был создан Мюнхенский институт. Так же, как и в 1949 г., раз в две недели организовывались концерты, доклады, выступления. Иногда приходило до 70-80 человек. Однако в ноябре 1974 г. он вынужден был с большим прискорбием так оценивать в своем письме Н.А.Троицкому, который хотел помочь ему в деле восстановления института, ситуацию с новым поколением эмиграции: «Ни для кого не секрет, что наше русское культурное дело в Европе находится в стадии упадка. Старые эмигранты слабеют и не могут больше ВЕСТИ, послевоенные (не все, но, увы, многие) окунулись в туземный быт и думают преимущественно о хлебе и телевизоре насущном, а молодежь или «отуземилась», или разрознена»... Трудно, очень трудно приучить молодежь к мысли, что Русская библиотека – это не только Дом их родителей, но и их Дом»⁸¹.

Истории не суждено было повториться!

Николай Троицкий, 25 июня 1934г., СССР и в США со своими книгами

Б.А. Яковлев в своем рабочем кабинете директора Мюнхенского института (слева), 1954 г., Мюнхен

⁸¹ ГА РФ, ф. 10015, оп.1, д. 429, л. 1.

TOLSTOI.De

Bibliothek
Bildung
Beratung

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.
Thierschstraße 11
80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75
Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41
Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de
tolstoi@tolstoi.de

Die Tolstoi-Bibliothek ist auf Spenden angewiesen.
Bitte unterstützen Sie uns durch eine steuerlich
abzugsfähige Spende auf unser Konto:

Spendenkonto: Банковские данные:

Nr.: 7824302
BLZ: 700 205 00
IBAN: DE72 7002 0500 0007 8243 02
BIC: BFSWDE33MUE
Bank für Sozialwirtschaft

Gefördert durch:

Die Beauftragte der Bundesregierung
für Kultur und Medien

Landeshauptstadt
München
Kulturreferat

Landeshauptstadt
München
Sozialreferat

Bayerisches Staatsministerium für
Bildung und Kultus, Wissenschaft und Kunst

Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e. V.
Thierschstraße 11
80538 München

Telefon Bibliothek (089) 29 97 75
Telefon Beratungsstelle (089) 22 62 41
Telefax (089) 228 93 12

www.tolstoi.de
tolstoi@tolstoi.de